

ДВА БИЛЕТА

СУЧКОВА СОФЬЯ

(Soniagdy)

Софья (Soniagdy) Два билета

<https://litres.ru/74518389>

SelfPub; 2026

Аннотация

Детектив Август Финч и констебль Калев Морган вызваны в бедный дом на Оливковой улице. На кухне найден мёртвым Дэвид Диксон — богатый делец, вернувшийся из Лондона навестить племянника. Судмедэксперт обнаруживает в чае цианид. Всё указывает на самоубийство: пожилой мужчина устал от жизни, был болен и приехал умирать.

Слишком удобно.

Содержание

Два билета	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Софья Сучкова (Soniagdy)

Два билета

Два билета

Дом на Оливковой улице выглядел так, будто его построили в спешке и с тех пор ни разу не ремонтировали. Краска на ставнях облупилась, ступени крыльца скрипели под ногами, а дверной молоток держался на одном винте.

Калёб шёл рядом. Он то и дело поправлял воротник пальто, будто тот жал, и поглядывал на окна дома. Одно окно на втором этаже было приоткрыто, а ветер шевелил занавеску.

— Холодно, — сказал Калёб, немного нервничая.

Финч не ответил. Он поднялся на крыльцо и потянул за шнурок звонка. Где-то в глубине дома отозвался глухой, дребезжащий звук.

Дверь открыл констебль — молодой, с веснушками и испуганными глазами. Он узнал Финча и отступил, пропуская.

— Мистер Финч. Сэр. Мы... мы ничего не трогали. Как вы и просили.

— Молодец, — Финч прошёл мимо, хлопнув парня по плечу. — Кто здесь ещё?

— Двое у входа, один наверху. И мистер Томпсон. Он в кухне, сэр.

Внутри пахло супом и застоявшимся табаком. Калёб поморщился, но промолчал. Они прошли через тесную прихожую с вешалкой, на которой висело одно-единственное пальто, — и свернули в кухню.

Тело уже осмотрели. Дэвид Диксон лежал на полу между столом и плитой — мужчина лет пятидесяти, в дорогом тёмно-сером костюме, который выглядел нелепо на фоне облупившегося линолеума. Одна рука была вытянута, а другая прижата к груди. Глаза закрыты. Никаких следов борьбы, никаких ран.

Калёб присел на корточки рядом. Потом поднял глаза на Финча.

— Ему бы в таком костюме по клубам ходить. А не здесь лежать.

— Он и ходил, — Финч стоял у стола, разглядывая чашку. — Просто на этот раз зашёл не в тот клуб.

Франклин Томпсон стоял у окна, держа в руках стеклянную банку с крышкой. Он обернулся и по-деловому кивнул.

— Цианид, — сказал он, не дожидаясь вопроса. — В чае. Доза приличная. Смерть наступила быстро, минут за пять, может, меньше.

Финч наклонился над чашкой, втянув ноздрями воздух.

— Точный анализ?

— Лаборатория подтвердит к вечеру. Но я не первый год работаю, Август. Это цианид.

— Я тебе верю, — Финч выпрямился. — Время?

— Между полуночью и двумя. Коронер сказал — точнее после вскрытия. Но, судя по телу, он умер часа за четыре до того, как его нашли.

Калёб поднялся, отряхнув колени.

— Свидетели?

— В гостиной, — Томпсон кивнул в сторону коридора. — Сидит с констеблем. Бледный, руки трясутся. Я ему воды дал. Не пьёт.

Финч прошёл к столу, где лежал чемодан покойного. Коричневая кожа, медные пряжки, инициалы «Д. Д.» на крышке. Он провёл пальцем по инициалам, потом открыл.

Внутри лежали аккуратно сложенные рубашки, шёлковые галстуки, флакон одеколона с притёртой пробкой, серебряная щётка для волос. В боковом кармане — чек из магазина на Стрэнде. Новые галстуки, шесть штук, оплаченные вчера. Финч повертел чек в пальцах, а после отложил.

Нашёл два билета.

Первый: Лондон — Филадельфия. Дата — неделю назад.

Второй: Филадельфия — Лондон. Дата — через три дня.

Финч задержал взгляд на втором билете. Потом убрал оба обратно в карман чемодана и закрыл крышку.

— Ржавый, — окликнул он.

Калёб уже стоял рядом, рассматривая содержимое.

— Что там?

— Вещи. Потом.

Финч прошёл мимо него в коридор. Калёб двинулся сле-

дом, на ходу бросив Томпсону:

— Франклин, ты с нами?

— Иду, — Томпсон пожал плечами. — Только не ори на меня, как в прошлый раз.

— Я не орал.

— Ты ворчал.

Финч, уже стоявший в дверях гостиной, обернулся и посмотрел на них.

— Хватит, — сказал он тихо. — Потом поругаетесь. Пойдёмте.

Генри Уоллес сидел за маленьким письменным столом, придвинутым к окну. Констебль, сидевший напротив, что-то писал в блокноте.

Генри поднял голову, когда они вошли. Молодой — лет двадцать пять, не больше. Худое лицо, впалые щёки, тёмные круги под глазами. Рубашка мятая, воротник расстёгнут. Он сжимал виски ладонями, будто пытался удержать голову на месте.

Калёб вошёл первым. Он не стал садиться сразу — сначала подошёл к окну, выглянул на улицу, а потом вернулся и придвинул стул от стены, сев напротив Генри, но чуть сбоку, чтобы не давить.

— Мистер Уоллес, — начал он мягче, чем обычно на до-

просах. — Я констебль Морган. Это детектив Финч и констебль Томпсон. Нам нужно задать вам несколько вопросов.

Генри тяжело кивнул. Убрав руки от висков, он положил их на стол.

— Я... я понимаю, — голос сорвался. Он откашлялся и попробовал снова: — Понимаю. Спрашивайте.

Финч не стал садиться. Он прошёл к стене, где висела маленькая картина в потёртой раме — пейзаж, нарисованный неумелой рукой. Море, скалы, чайки, чтобы дать парню пространство.

Томпсон встал около Калеба, держа руки за спиной, и просто наблюдал.

— Расскажите, что произошло вчера вечером, — Калёб подался чуть вперёд. — С самого начала. И о дяде тоже, пожалуйста.

Генри сглотнул, собираясь с мыслями.

— Его настоящее имя — *Олдос Клеверли*. Дядя уехал из Филадельфии, когда мне было четыре года. Я его почти не помню. Только смутно — как он подбрасывал меня на коленях. Или это мне уже рассказывали, а я просто додумал. Не знаю. Он был из небогатой семьи, поэтому поехал в Лондон искать удачу. Мать говорила, что он всегда хотел большего. Что ему было тесно здесь.

Он сцепил пальцы на столе, посмотрев на свои руки.

— Потом — слухи. От родственников, от знакомых. Кто-то видел его в Лондоне. Говорили, что разбогател. Что у него

дела. Поменял имя на *Дэвида Диксона*. Что он крутится в высшем обществе. Его секретари и правая рука — я потом узнавал, через знакомых — говорили, что он никого не подпускал близко. Не имел ни жены, ни детей. Считал, что семья только помешает. Что обязательства — это груз, а он свободен.

Генри поднял глаза на Калеба.

— Мы жили бедно. Я, мать, отец. Иногда не хватало на уголь. Я ходил в школу в стоптанных ботинках. А он... он там, в Лондоне, покупал дома. Вы понимаете?

— Понимаю, — тихо сказал Франклин.

— Он не писал. Никогда. Не приезжал. Не помогал. Мать умерла, когда мне было двадцать. Он не был на похоронах, даже письма не прислал! Отец умер год назад. Тоже — ничего. Только мама с отцом иногда перешёптывались о нём. Я слышал обрывки — за стеной, за дверью. «Дэвид разбогател», «Дэвид купил дом», «Дэвид теперь важная птица». Но сам он для меня был... как Джон Дэвисон Рокфеллер. Миллионер. Легенда. Я даже не знал, как правильно его называть...

Он замолчал.

— И вот представьте: мне двадцать пять, я живу в этом доме. Один. Работаю в конторе за гроши. И вдруг — письмо. От него! «Дорогой племянник, я приезжаю. Хочу повидаться». Я перечитал его десять раз. Не верил. Думал — ошибка. Или шутка. Или кто-то решил поиздеваться.

— И что вы почувствовали? — спросил Финч от стены.

Генри задумался. Потом честно ответил:

— Растерялся. Я не знал, как себя вести. Приезд богатого родственника вскружил мне голову. Я не спал ночами. Думал — может, он поможет. Может, заметит меня. Может, возьмёт к себе. В Лондон. Даст работу. Или хотя бы денег на первое время.

— И когда он приехал?

— Он приехал. Вечером. Часа в четыре. Я не ждал его так рано. Думал, будет позже. Я даже не успел прибраться толком. Мы сели на кухне пить чай. Он был... приветливый. Улыбался. Рассказывал про Лондон. Про дом, который купил. Про акции. Про то, как выгодно вложился в железные дороги. Хвастался, но не зло. Просто рассказывал. Я слушал. Кивал. И не знал, что сказать.

Он перевёл дыхание.

— А потом он затих. Просто замолчал. Сидел и смотрел в стол. Я спросил — всё ли хорошо. Тогда он поднял свои большие серые глаза. И знаете что? Они были грустными. Он сказал... сказал, что устал. От всего. От вечной беготни, от графика, от того, что всю жизнь гнался за золотом и не заметил, как оно выпило его всего. Силы ушли. Здоровье — тоже. Он сказал, что он болен, что ему осталось совсем немного и что он очень страдает. Годы погони за золотом выбили из него всё.

Генри провёл рукой по лицу.

— Он сказал, что приехал не просто повидаться. Он приехал, чтобы провести последние дни в городе детства и умереть спокойно. Здесь, где родился. Я подумал, что он шутит или что ему просто плохо с дороги. Я сказал: «Дядя, давайте не будем о смерти. Утро вечера мудренее. Идите спать». Он кивнул и улыбнулся мне, сказав: «Иди, я попозже лягу». Я ушёл. Часов в одиннадцать. Может, в полночь.

— И больше его не видели? — спросил Кaleb.

— Нет. Я крепко спал. А проснулся только утром, часов в шесть. Спустился на кухню, а он... — Плечи парня вздрогнули. — Он лежал на полу. Я не сразу понял, что он мёртв. Я думал... думал, ему плохо стало. Я его тряс. А потом приложил ухо к его груди. И понял.

Он закрыл лицо ладонями. Кaleb молчал, давая ему время.

Томпсон оторвался с места и шагнул вперёд.

— Мистер Уоллес. Вы сказали, что дядя был болен. Вы знали, чем именно?

Генри опустил руки, явив взору мокрое лицо.

— Нет. Он не говорил. Просто сказал — болен. И устал. Я не спрашивал. Я не хотел знать. Я... я думал, он преувеличивает или что это возраст. Ему было пятьдесят два. Мало ли...

— Вы не спрашивали, чем он болен, — повторил Томпсон. — Но при этом вы знали, что он приехал умирать. Вам не показалось это странным?

Генри поднял на него глаза. Томпсон чуть смягчился.

— Показалось. Конечно, показалось. Всё это было странно. Я двадцать лет его не видел. Я почти не помню его. А тут он приезжает, говорит, что умрёт, и просит чаю. Что я должен был делать?

Он замолчал, вытерев лицо тыльной стороной ладони.

— Я не знал, что делать. Я просто... согласился. Кивнул. Ушёл спать. Я думал, утром всё будет иначе. Что он будет жив. Мы поговорим. Он объяснит.

— Он не объяснил, — сказал Кaleb.

— Нет. Не объяснил.

Томпсон перевёл взгляд на Финча, потом снова на Генри.

— Получается, дядя совершил самоубийство? — спросил он ровно. — Сам отравился?

Генри дёрнулся, будто от удара, и резко поднял на Томпсона покрасневшие глаза.

— Я не верю. Не верю, что он мог это сделать. Он не был похож на человека, который сдался. Он говорил о будущем. О доме. Об акциях. Он строил планы. А потом... потом просто сказал, что устал. Но это не значит, что он хотел умереть. Может, он просто устал с дороги. Может, ему нужно было отдохнуть. Может, ему нужна была просто компания! Я не знаю.

Он замолчал, опустив голову.

Кaleb переглянулся с Финчем.

— Мистер Уоллес, — Кaleb подался вперёд. — Получа-

ется, вы — единственный наследник? Судя по всему?

Генри пожал плечами.

— Похоже, что да. Я не знаю точно. У него не было детей. Жены тоже. Он не общался с семьёй. Моя мать — его сестра — умерла. Отец тоже. Я остался один.

Он снова беспомощно пожал плечами.

Калёб обернулся к Финчу.

— Гус. Что думаешь?

Финч не ответил сразу. Он смотрел на картину, рассматривая силуэты чаек и скал. Потом медленно повернулся и подошёл к столу, остановившись напротив Генри.

— Мне очень жаль, что так всё получилось, — сказал он тихо. — Правда жаль. И... вам повезло, мистер Уоллес. Раз вы единственный, кто претендует на деньги покойного.

Генри замер, замялся, и отвёл взгляд.

— Я... я не думал об этом. Я не...

— Поздравляю, — Финч протянул руку.

Генри, растерявшись, через силу поднял свою ладонь.

Как только дрожащая рука парня легла в ладонь Финча, детектив тут же сжал руку Генри железной хваткой, заглянув в глаза.

— Если только вы его не травили.

Генри дёрнулся, с силой попытавшись вырвать руку. Не получилось. Финч держал крепко.

— Что... что вы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.